

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Даниловская А.В. Межотраслевая дифференциация ответственности за совершение деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию // Право и политика. 2024. № 3. С. 69-78. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.3.70301
EDN: TBPHRD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70301

Межотраслевая дифференциация ответственности за совершение деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию

Даниловская Анна Владимировна

кандидат юридических наук

доцент кафедры гражданского права и гражданского процессуального права, Тихоокеанский государственный университет

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, оф. 417

✉ d_a_v@list.ru

[Статья из рубрики "Закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2024.3.70301

EDN:

TBPHRD

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Дата публикации:

01-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются вопросы межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на добросовестную конкуренцию (далее также – антиконкурентные преступления). В статье обозначены общественно опасные деяния, составившие группу антиконкурентных преступлений, и административные правонарушения в данной сфере; определены аспекты соотношения гражданской ответственности с уголовной и административной ответственностью; проведен анализ соотношения норм уголовного законодательства с административным в отношении оснований ответственности за посягательства на добросовестную конкуренцию, санкций за их совершение, правил освобождения от ответственности. Цель работы заключается в оценке современного состояния, выявлении проблем

межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на добросовестную конкуренцию, а также в определении путей их решения в свете принятия ряда официальных документов стратегического характера, определяющих нарушения антимонопольного законодательства в качестве угрозы экономической безопасности и необходимость противодействия им. Методология исследования основана на общенаучных и частнонаучных методах, в частности, методах системного анализа, логическом, сравнительном, формально-догматическом методах, методе правового прогнозирования и классификации. Научная новизна заключается в исследовании соотношения Уголовного кодекса РФ с Кодексом РФ об административных правонарушениях в целях установления соответствия описания составов антиконкурентных преступлений составам административных правонарушений, посягающих на добросовестную конкуренцию, и смежных с ними составов; определении значения гражданской ответственности в межотраслевой дифференциации; в оценке состояния санкционного механизма, применяемого за совершение преступлений и административных правонарушений против добросовестной конкуренции, а также разноотраслевых правил освобождения от ответственности за их совершение; в выводах исследования межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на добросовестную конкуренцию. Выводы заключаются в том, что для достижения целей уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, а также иных, связанных с ней направлений государственной деятельности, необходимо устранение выявленных противоречий в межотраслевой дифференциации ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Ключевые слова:

охрана конкуренции, межотраслевая дифференциация ответственности, картель, недобросовестная конкуренция, ограничение конкуренции, антиконкурентные преступления, уголовная ответственность, нарушения на торгах, программа смягчения ответственности, ограничивающие конкуренцию соглашения

Одним из важных современных направлений государственной деятельности является уголовно-правовое противодействие посягательствам на добросовестную конкуренцию. Актуальные направления развития уголовно-правовой политики в обозначенной сфере были заданы рядом официальных документов, среди которых указы Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Стратегия экономической безопасности) и от 2.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия национальной безопасности), Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных, ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 годы, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 17.06.2019 г. № 1314-р. В их основе нацеленность на совершенствование системы противодействия монополистической деятельности в целом, картелям и иным соглашениям, ограничивающим конкуренцию, коррупции в предпринимательской среде, которые представляют одну из угроз экономике страны. И только Стратегией развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 г. № 6, отмечается необходимость противодействия также и недобросовестной конкуренции, общественная опасность которой в отечественном законодательстве явно недооценивается, несмотря на исследования разного уровня, подтверждающие

относительно равные риски и неблагоприятные последствия для экономики как от деятельности картеля, так и от недобросовестной конкуренции [\[1, с. 97-103\]](#). На данный факт указывает и анализ уголовного закона. Так, если уголовная ответственность за картель имеет четкие основания, предусмотренные ст. 178 УК РФ, то для общественно опасных форм недобросовестной конкуренции таковых в УК РФ не предусмотрено, что не позволяет вести их официальный учет, хотя признаки отдельных проявлений недобросовестной конкуренции усматриваются при анализе объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 128¹, 146, 147, 180, 183, 185³ и 185⁶ УК РФ.

Одновременно с этим обращают внимание результаты проведенного анализа существующей ситуации в законодательстве и правоприменении относительно иных статей УК РФ, имеющих уголовно-правовой потенциал противодействия посягательствам на добросовестную конкуренцию. В частности, аналогичная вышеприведенной ситуация сложилась и с ограничивающими конкуренцию соглашениями, заключаемыми должностными лицами органов государственной власти или местного самоуправления, а также с ограничивающими конкуренцию индивидуальными актами должностных лиц указанных органов. На практике ответственность за такие деяния наступает по универсальным составам преступлений, предусмотренным ст. 169, 285 или 286 УК РФ, зачастую находящимися между собой в конкуренции.

Внесенная в УК РФ ст. 200⁴ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», ориентированная на противодействие нарушениям на торгах, в том числе выразившимся в ограничении конкуренции при их проведении, также могла бы иметь значение элемента уголовно-правового противодействия посягательствам на добросовестную конкуренцию в случае официального признания ее таковой и ведения учета отмеченного деяния как антиконкурентного. Вместе с тем следует признать, что в этой сфере существует высокая вероятность заключения ограничивающих конкуренцию соглашений. В этой связи вопрос о квалификации таких деяний может создать определенные затруднения не только при их расследовании, но и в целом в привлечении к уголовной ответственности виновных лиц, среди которых могут быть не только специальные субъекты, отмеченные в описании признаков состава данного преступления, но и представители хозяйствующих субъектов.

Таким образом, принятие отмеченных официальных документов стратегического характера свидетельствует о недостаточности существующих правовых механизмов для устранения угроз экономике страны и, в частности, одному из ее основополагающих элементов - добросовестной конкуренции, обеспечивающей общественное благосостояние и стабильность в обществе. Предусмотренные УК РФ основания уголовной ответственности за различные антиконкурентные деяния, имеющие как прямой, так и косвенный характер, характеризуются различными несовершенствами, основанными в первую очередь на отсутствии связи с запретами, установленными специальным нормативным правовым актом - ФЗ «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ. Соответственно, необходимо пересмотреть существующий уголовно-правовой подход к защите добросовестной конкуренции и привести его в соответствие с требованиями современной государственной политики по обеспечению национальной (экономической) безопасности.

Между тем борьба с антиконкурентными деяниями имеет межотраслевой характер - за их совершение предусмотрена гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. В свете принятия перечисленных выше стратегических документов, ориентир на исследование практики применения межотраслевых правил в борьбе с

картелями, иными ограничивающими конкуренцию соглашениями, недобросовестной конкуренцией, а также антиконкурентным поведением органов государственной власти и местного самоуправления, их результативности, не вызывает сомнений. Однако в науке этому аспекту пока не уделяется достаточно внимания, в основе которого лежала бы концепция или методика исследования, охватывающая все задействованные отрасли законодательства. В то же время исследование вопросов межотраслевой дифференциации ответственности в данной сфере имеет значение для перспективного развития законодательства и правоприменения, что в целом может положительно сказаться на эффективности не только уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, но и на применении административно-правовых мер такой охраны, а также конкурентной политики как экономического направления государственной деятельности.

Межотраслевая дифференциация понимается как дифференциация норм различных отраслей права, представляющая собой распределение правового регулирования и правовой ответственности между различными отраслями права с учетом предмета и метода (методов) правового регулирования конкретной отрасли права [\[2, с. 358\]](#).

Проведенный анализ показывает связь всех видов ответственности за антиконкурентные деяния между собой. Во-первых, нарушение антимонопольного законодательства, как содержащего признаки административного правонарушения, так и признаки преступлений, может быть непосредственно связано с гражданским правоотношением, «вытекать» из него. Во-вторых, защита гражданских прав, пострадавших от антиконкурентных деяний, может быть реализована непосредственно в рамках административного или уголовного производства, в частности:

- 1) при добровольном возмещении лицом, совершившим административное правонарушение, причиненного ущерба или добровольном устранении причиненного вреда, согласно п. 6 ст. 4.2 КоАП;
- 2) путем возмещения причиненного ущерба или иным образом заглаживания причиненного вреда при реализации условий освобождения от уголовной ответственности, согласно п. 3 примечания к ст. 178 УК РФ, либо путем возмещения ущерба, причиненного гражданину, юридическому лицу или государству, в порядке ч. 2 ст. 76¹ УК РФ при освобождении от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ч. 1, ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 178, ч. 1 ст. 185³, ст. 185⁶, а также ч. 1-3 ст. 180 УК РФ;
- 3) применением института конфискации, значение которого может быть разным:
 - а) в отношении преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 183 УК РФ, при изъятии имущества, согласно п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, учитываются имущественные интересы потерпевшего и решается вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу, в том числе за счет имущества, подлежащего конфискации (пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»);
 - б) в отношении всей группы антиконкурентных преступлений при изъятии, согласно п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, осуществляется окончательное пресечение противоправной деятельности, в частности, при производстве и введении в оборот контрафактных товаров, имеющее также превентивное значение;

в) применение конфискации контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения, а также предметов, содержащих незаконное воспроизведение средства индивидуализации, материалов и оборудования, используемых для их производства, и иных орудий совершения административного правонарушения в качестве административного наказания за правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 7.12 и ст. 14.10 КоАП, чем пресекается нарушение исключительных прав на охраняемые объекты интеллектуальной собственности;

4) при изъятии и уничтожении в порядке п. 6 и 7 ч. 2 ст. 82 УПК РФ контрафактных товаров, нарушающих права на объекты интеллектуальной собственности, являющихся вещественными доказательствами по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 146, 147, 180 УК РФ, чем окончательно решается вопрос о прекращении нарушения исключительных прав на указанные объекты в соответствии с п. 4 и 5 ст. 1252 ГК РФ.

Перечисленные во втором случае обстоятельства пересечения гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности при защите прав потерпевших от антиконкурентных деяний характеризуют противоположное дифференциации явление – унификацию ответственности, которую относительно приведенных примеров можно назвать межотраслевой унификацией ответственности. Как отмечено Л.Л. Кругликовым, унификация предполагает обеспечение единообразия в подходе к сходным ситуациям [\[3, с. 11-12\]](#), что представляется важным и при оценке дифференциации ответственности, о чем подробнее будет сказано далее.

Выделяется в науке и такой вид ответственности, как антимонопольная, под которой предлагается понимать юридическую ответственность, применяемую к хозяйствующим субъектам и органам власти, ограничивающим, устраняющим, не допускающим конкуренцию в порядке, определенном ФЗ «О защите конкуренции». Ее мерами называются: 1) перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного хозяйствующим субъектом в результате нарушения антимонопольного законодательства; 2) разделение, выделение хозяйствующих субъектов в порядке ст. 38 ФЗ «О защите конкуренции»; 3) исполнение предписания антимонопольного органа [\[4, с. 33-34\]](#). Данные меры ответственности реализуются в деятельности антимонопольного органа в рамках административного производства по делу о нарушении запретов ФЗ «О защите конкуренции».

Между тем основанием межотраслевой дифференциации выступает характер вредоносности соответствующего вида поведения, определяемый по таким правилам, как преемственность, четкость [\[5, с. 7\]](#). Под преемственностью В.Ф. Лапшин понимает установление различных видов юридической ответственности за совершение однородных правонарушений, отличающихся друг от друга общественной опасностью [Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2016. С. 305]. Таким образом, гражданско-правовая ответственность за антиконкурентные деяния не может всегда включаться в межотраслевую дифференциацию ответственности из-за отсутствия ее преемственности, когда данный вид ответственности существует одновременно с административной или уголовной. Этот вывод не распространяется на случаи, при которых отсутствие признаков административного правонарушения или преступления может повлечь только гражданско-правовую ответственность. В некоторой степени данное суждение имеет отношение и к административной, и к уголовной ответственности.

В частности, преемственность уголовной ответственности исключена, если субъектом ответственности может быть только юридическое лицо.

Определяя чёткость осуществления межотраслевой дифференциации ответственности, В.Ф. Лапшин отмечает, что соответствующие составы, например административного правонарушения и преступления, являются смежными, а их разграничение производится только на основании криминообразующего признака [Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. С. 306]. Здесь представляется уместным уточнить, что составы, скорее, должны совпадать в основном, быть почти идентичными, посягая, в первую очередь, на один и тот же объект, отличаясь лишь криминообразующими признаками. Таким образом, четкость межотраслевой дифференциации – это совпадение административного правонарушения и преступления по отдельным признакам их составов. Из анализа межотраслевой дифференциации за антиконкурентные деяния следует, что имеют место и смежные, и идентичные составы. Так, составы деяний могут иметь одинаковый объект посягательства, но различаться в основных признаках объективной стороны – способах его совершения, последствиях. Также противоправные деяния могут посягать на равнозначные, но разные объекты, например объекты авторского права и объекты патентного права, при этом признаки их объективной стороны совпадают в основном.

Преемственность в той или иной степени можно обнаружить в большинстве случаев ответственности за антиконкурентные деяния.

Основному составу антиконкурентного преступления «Ограничение конкуренции», предусмотренному ст. 178 УК РФ и содержащему описание признаков уголовно-наказуемого картеля, соответствует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.32 КоАП «Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности». Деяние определено в ч. 1 как заключение хозяйствующим субъектом соглашения, признаваемого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации картелем, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 14.32, либо участие в нем. Представляется, что картель как административное правонарушение сформулировано удачнее, ибо в нем отсутствуют такие признаки объективной стороны, как «ограничение конкуренции» и «ограничивающее конкуренцию соглашение», вызывающие критику в научном сообществе и проблемы в правоприменении, а также содержится указание на субъект правонарушения, которым могут быть должностные лица и юридические лица.

Между тем следует отметить дифференциацию в рамках одной статьи КоАП: ст. 14.32 КоАП устанавливает ответственность за все виды антиконкурентных соглашений, согласованные действия и экономическую координацию, предусмотрев признаки деяний в разных частях статьи (ч. 1–7). При этом в ч. 2 ст. 14.32 содержится описание двух видов антиконкурентного соглашения в: а) картеля, реальными или вероятными последствиями которого названы повышение, снижение или поддержание цен на торгах; б) сговора на торгах, объективными признаками которого является соглашение между организаторами торгов и (или) заказчиками с участниками этих торгов, если такое соглашение имеет своей целью либо приводит или может привести к ограничению конкуренции и (или) созданию преимущественных условий для каких-либо участников, либо участие в них. Выделение двух указанных видов антиконкурентных соглашений объясняется правильным подходом к необходимости дифференциации этих соглашений и предопределено их разной природой, в частности, сговора на торгах как самостоятельного типа соглашений, который имеет сходство с мошенничеством, ибо

такой сговор основан на обмане организатора торгов (заказчика торгов или собственника имущества).

КоАП содержит самостоятельный состав недобросовестной конкуренции, предусмотренный ст. 14.33, в которой есть оговорка об уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию: статья применяется к актам недобросовестной конкуренции, если действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Административно наказуемая недобросовестная конкуренция не имеет четких признаков объективной стороны, кроме предусмотренных ч. 2, в которой речь идет о недобросовестной конкуренции с незаконным введением в оборот объектов интеллектуальной собственности. Следовательно, остальные формы недобросовестной конкуренции, предусмотренные ФЗ «О защите конкуренции», не связанные с оборотом объектов интеллектуальной собственности, подпадают под ч. 1 ст. 14.33 КоАП. Субъектами административной ответственности выступают должностные лица и юридические лица.

Отсутствие четких границ в определении недобросовестной конкуренции, а именно исчерпывающего перечня ее форм, создает неустойчивость в правоприменении, в частности, как отмечается в науке, такая ситуация приводит к неправильной квалификации действий хозяйствующих субъектов, нарушающих нормы антимонопольного законодательства [Кинев А.Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. С. 141].

УК РФ не является в этой части преемственным актом, поскольку не содержит специального состава преступления, признаки которого описывали бы недобросовестную конкуренцию как самостоятельный от нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности, предусмотренных ст. 146, 147, 180 и 183 УК РФ, состав преступления. В свою очередь отдельные нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности наказываются, согласно КоАП, независимо от недобросовестной конкуренции и предусмотрены ст. 7.12 и ст. 14.10 КоАП.

Сопоставление признаков составов перечисленных административных правонарушений с корреспондирующими им составами преступлений, совершаемых в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности, представляет интерес для анализа современного состояния их признаков и перспектив изменения в целях уголовно-правового противодействия недобросовестной конкуренции. В равной мере такой анализ имеет отношение и к административному составу клеветы, манипулированию рынком, нарушению требований законодательства о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком.

Признаки нарушения авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав помещены в КоАП в одну статью – 7.12 гл. «Административные правонарушения в области охраны собственности». КоАП предусматривает ответственность за плагиат только в отношении объектов патентного права и содержит существенно отличимые от состава преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, признаки объективной стороны нарушения авторских и смежных прав. В частности, ч. 1 ст. 7.12 предусматривает ответственность за ввоз, продажу, сдачу в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными либо на экземплярах произведений или фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных

прав, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода.

Таким образом, акцент в дифференциации ответственности в рассматриваемом случае сделан, во-первых, на средства совершения правонарушения, в качестве которого выступают являющиеся контрафактными экземпляры произведений или фонограмм; во-вторых, на специально перечисленные способы незаконного использования; в-третьих – на цель незаконного использования, под которой понимается извлечение дохода. Именно данные признаки, а также наличие криминообразующего признака совершения деяния в крупном размере дифференцирует составы административного правонарушения и преступления.

Состав нарушения патентных и изобретательских прав полностью идентичен составу преступления, предусмотренному ст. 147 УК РФ, кроме признака крупного ущерба, являющегося криминообразующим. Таким образом, в данном случае отражена преемственность уголовной ответственности.

Субъектами административной ответственности в перечисленных случаях нарушения авторских, смежных, изобретательских и патентных прав являются граждане, должностные лица и юридические лица.

Ответственность за незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров дифференцируется не только по ч. 1 ст. 180 УК РФ и ст. 14.10 КоАП, где в основе разграничения лежат криминообразующие признаки в виде неоднократности деяния и крупного ущерба, но и в рамках одной ст. 14.10 по признакам объективной стороны. Так, производство в целях сбыта либо реализация товара, содержащего незаконное воспроизведение чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров (ч. 2), наказывается жестче, чем иное незаконное использование обозначенных средств индивидуализации (ч. 1).

Субъектом ответственности названы граждане, должностные лица и юридические лица.

Таким образом, преемственность дифференциации ответственности за незаконное использование средств индивидуализации сохранена, однако КоАП содержит детализацию способов незаконного использования, устанавливая отдельно административную ответственность за производство в целях сбыта либо реализацию товара, содержащего незаконное воспроизведение чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров.

Существует преемственность и в отношении клеветы. Так, полностью идентичный ч. 1 ст. 128¹ УК РФ состав клеветы в ст. 5.61.1 КоАП влечет ответственность только юридических лиц. Содержится указанная статья КоАП в гл. 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», следовательно, как и при уголовной ответственности потерпевшим от клеветы может быть только физическое лицо. Соответственно разграничение между административной и уголовной ответственностью за клевету осуществляется по ее субъекту. Распространение заведомо ложных сведений о юридическом лице будет являться основанием либо гражданской ответственности, либо административной за недобросовестную конкуренцию при наличии соответствующих признаков согласно ФЗ «О защите конкуренции». Основание уголовной ответственности в данном случае не предусмотрено, что представляется пробелом в правовой защите прав участников экономической деятельности, ибо ставит их в неравное положение в

возможностях использования уголовно-правового механизма, так как в отличие от организации индивидуальный предприниматель может воспользоваться ст. 128¹ УК РФ.

Оба кодекса содержат составы, называемые «Манипулирование рынком». В УК РФ состав преступления предусмотрен ст. 185³, в КоАП это ст. 15.30 гл. 15 «Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней». Статья не содержит какого-либо описания деяния, устанавливая ответственность за манипулирование рынком, если это деяние не содержит уголовно-наказуемого деяния. Субъект ответственности – граждане, должностные лица, юридические лица.

Неправомерное использование инсайдерской информации также имеет свои основания ответственности в КоАП и УК РФ. Каждый кодекс предусматривает самостоятельный состав, связанный с разными проявлениями оборота инсайдерской информации. Так, в КоАП в ст. 15.35 диспозиция правовой нормы содержит описание неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по раскрытию инсайдерской информации (ч. 1), ведения списка инсайдеров и уведомления лиц, включенных в список инсайдеров (ч. 2), обязанности уведомлять Банк России о некоторых видах сделок (ч. 3), по принятию мер, направленных на предотвращение, выявление или пресечение злоупотреблений на финансовых и товарных рынках (ч. 4). Субъект ответственности – должностные лица и юридические лица.

Однако преступление, предусмотренное ст. 185⁶ УК РФ, имеет иные признаки объективной стороны, которые иначе характеризуют нарушения в данной сфере, а именно через признаки умышленного использования инсайдерской информации для осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, к которым относится такая информация, за свой счет или за счет третьего лица, а равно умышленного использования инсайдерской информации путем дачи рекомендаций третьим лицам, обязывания или побуждения их иным образом к приобретению или продаже финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров. Соответственно составы, содержащие признаки административного правонарушения и преступления, являются смежными, содержащими разные признаки объективной стороны, не имеющими прямой преемственности.

В исследованиях нередко манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерской информации рассматриваются как проявления недобросовестной конкуренции [\[6, с. 144; 7, с. 23-25\]](#). Хотя в статьях УК РФ отсутствуют какие-либо признаки, прямо свидетельствующие об этом, данный факт нельзя отрицать в силу его реальности [\[1, с. 102-103\]](#). В свою очередь помещение ст. 15.30 и 15.35 в гл. 15 КоАП также свидетельствует о смещении законодателем акцента в защите и его направленности на охрану финансовых интересов, интересов инвесторов.

Нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, помимо ст. 200⁴ УК РФ, влекут ответственность согласно ст. 7.30 КоАП РФ. Статья весьма объемна по содержанию и предусматривает детально различные виды нарушений в обозначенной сфере. В основном, субъектом административных правонарушений, предусмотренных данной статьей, являются должностные лица (ч. 1 п. 1.1-1.4, ч. 15), в то же время должностное лицо обозначено в санкциях статьи как субъект наказания в виде штрафа (ч. 1 п.1.5-1.7, ч. 2-9, ч. 11-14). В ч. 10 указан иной субъект правонарушения - оператор электронной площадки, допустивший нарушение

порядка проведения аукциона в электронной форме, а также порядка аккредитации участника такого аукциона, установленного законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Уголовно-правовой запрет распространяется на лиц, не являющихся должностными, таким образом, разграничение административной и уголовной ответственности осуществляется по виду субъекта и признакам объективной стороны.

При сопоставлении административной и уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства органами власти или местного самоуправления, их должностными лицами наблюдается некоторое совпадение признаков, которое обнаруживается как при анализе правовых норм, так и в результате исследования практики применения. Так, предусмотренному ст. 14.9 КоАП деянию «Ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления» по внешним признакам корреспондирует преступление, предусмотренное ст. 169 УК РФ, но только в случае прямого нарушения антимонопольного законодательства. Состав административного правонарушения включает в себя следующие признаки:

- ч. 1 – действия (бездействие) должностных лиц органов власти и местного самоуправления, государственных внебюджетных фондов, а также организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, которые недопустимы в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации и приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, а равно к ограничению свободного перемещения товаров (работ, услуг), свободы экономической деятельности;
- ч. 2 – деяния, предусмотренные ч. 1, если такие должностные лица были ранее подвергнуты административному наказанию за аналогичное административное правонарушение.

Таким образом, объективная сторона правонарушения построена на основе запрета ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции», то есть суть правонарушения четко определена как индивидуальное антиконкурентное поведение должностных лиц органов власти и управления. В сравнении с этими признаками состав преступления, предусмотренного ст. 169 УК РФ, выглядит более широким, поскольку описанные в его объективной стороне деяния могут и не иметь антиконкурентной направленности. При этом оба состава являются формальными и не предусматривают признаков, которые бы разграничили правонарушение и преступление в случае воспрепятствования должностным лицом законной предпринимательской деятельности с целью ограничения конкуренции. В результате, нарушение запрета ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции» может быть квалифицировано и по статье КоАП, и по статье УК РФ, что требует вмешательства законодателя и приведения нормативных актов в непротиворечивое состояние, исключающее конкуренцию разноотраслевых правовых норм.

В то же время сговор органа власти с хозяйствующими субъектами квалифицируется по ч. 7 уже названной ст. 14.32 КоАП, в частности, как заключение федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов, органом или организацией либо государственным внебюджетным фондом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения либо осуществление указанными органами или организациями недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством согласованных действий. Прямой преемственности в УК РФ данному основанию ответственности нет.

Деяния, образующие сговор должностных лиц органов власти с хозяйствующими субъектами, напрямую не криминализированы. Конкретные противоправные действия должностных лиц, без оценки сговора как такового, квалифицируются на практике по ст. 169, 285 или 286 УК РФ. В данном случае нет оснований говорить о прямой преемственности ответственности.

Итак, отмечается конкуренция правовых норм, предусмотренных ч. 1 ст. 14.9 КоАП и ч. 1 ст. 169 УК РФ, при квалификации действий должностного лица, содержащего нарушение запрета ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции», и ч. 7 ст. 14.32 КоАП и ч. 1 ст. 169, ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК РФ при квалификации сговора должностного лица и хозяйствующего субъекта. Следует отметить, что такая конкуренция правовых норм уже отмечалась ранее в науке [Устинова Т.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2005. С. 15].

КоАП содержит состав правонарушения в сфере конкуренции, который не получил преемственности в УК РФ. Речь идет о составе, предусмотренном ст. 14.31 «Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке». Преступление в виде злоупотребления доминирующим положением было декриминализировано в связи с изменениями ФЗ «О защите конкуренции», которые установили правила более жесткого контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарном рынке, и тем самым способствовали снижению количества нарушений в сфере конкуренции.

Имеется также противоположная ситуация, когда УК РФ предусматривает уголовную ответственность, например, за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в отношении которых отсутствуют смежные составы в КоАП. В то же время перечисленные деяния, рассматриваемые как формы недобросовестной конкуренции, могут быть квалифицированы, согласно ст. 14.33 КоАП, в отсутствие признаков преступлений, предусмотренных УК РФ, так как, во-первых, согласно ФЗ «О защите конкуренции», перечень форм недобросовестной конкуренции не является исчерпывающим, во-вторых, субъектом административной ответственности выступает юридическое лицо. В последнем случае деяние может быть квалифицировано по указанной статье КоАП и при наличии признаков преступления. Соответственно, если неправомерное распространение охраняемой законом тайны использовано в качестве конкурентного преимущества, антимонопольный орган может привлечь виновное лицо к административной ответственности за недобросовестную конкуренцию.

Таким образом, признаки основных административных составов клеветы, нарушения изобретательских и патентных прав, нарушения прав на средства индивидуализации, манипулирования рынком, в меньшей степени – нарушения авторских и смежных прав, заключения и реализация картеля, нарушения требования законодательства о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, ограничения конкуренции органами власти, органами местного самоуправления корреспондируют соответствующим признакам составов преступлений. Почти все составы, кроме нарушения изобретательских и патентных прав, клеветы, нарушения прав на средства индивидуализации, не отвечают правилам четкости межотраслевой дифференциации ответственности. КоАП содержит четыре статьи, предусматривающие административную ответственность за прямое нарушение запретов ФЗ «О защите конкуренции», – ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33; при этом в ст. 14.32 содержится 7 самостоятельных оснований административной ответственности за

нарушение антимонопольных запретов; в УК РФ – только ст. 178. Следовательно, прямой преемственности нет в отношении большинства составов административных правонарушений в сфере добросовестной конкуренции.

Анализ межотраслевой дифференциации ответственности за совершение административных правонарушений и преступлений, имеющих признаки антиконкурентных деяний, свидетельствует о некоторой преемственности в санкциях (таблица 1).

Таблица 1 – Основные виды наказаний физических лиц за совершение административных правонарушений и преступлений, имеющих признаки антиконкурентных деяний

Вид деяния	Административные наказания	Уголовные наказания
Картель (ч. 1 ст. 14.32 КоАП и ч. 1 ст. 178 УК РФ)	Штраф на должностных лиц от 40 тыс. до 50 тыс. руб. или дисквалификация от 1 года до 3 лет	Штраф от 300 тыс. до 500 тыс. руб., либо лишение свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 1 года либо 6/т.
Незаконный оборот объектов авторского права и смежных прав (ч. 1 ст. 7.12 КоАП и ч. 2 ст. 146 УК РФ)	Штраф на граждан – 1500 до 2000 руб. с конфискацией; на должностных лиц – от 10 тыс. до 20 тыс. руб. с конфискацией	Штраф до 200 тыс. руб., либо обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 2 лет
Незаконный оборот объектов патентных прав (ч. 2 ст. 7.12 КоАП и ст. 147 УК РФ)	Штраф на граждан – 1500 до 2000 руб.; на должностных лиц – от 10 тыс. до 20 тыс. руб.	Штраф до 200 тыс. руб., либо обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 2 лет
Незаконное использование средств индивидуализации (ч. 1 ст. 14.10 КоАП и ч. 1 ст. 180 УК РФ)	Штраф на граждан - от 5000 до 10 тыс. руб. с конфискацией; на должностных лиц – от 10 тыс. до 50 тыс. руб. с конфискацией	Штраф от 100 тыс. до 300 тыс. руб., либо обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 2 лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб.
Манипулирование рынком (ст. 15.30 КоАП)	Штраф на граждан от 3000 до 5000 руб.; на должностных лиц –	Штраф от 300 тыс. до 500 тыс. руб. принудительные работы на срок до 4 лет с лишением права занимать

и ст. 185 ³ УК РФ)	от 30 тыс. до 50 тыс. руб. или дисквалификация на срок от 1 года до 2 лет	определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового, лишение свободы на срок до 4 лет со штрафом в размере до 50 тыс. руб.
Ограничение конкуренции органами власти и местного самоуправления (ст. 14.9 КоАП и ч. 1 ст. 169 и ч. 1 ст. 286 УК РФ)	Штраф на должностных лиц в размере от 15 тыс. до 50 тыс. руб.	Ст. 169: штраф от 200 тыс. до 500 тыс. руб., лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб.; обязательные работы на срок до 360 часов Ст. 286: штраф до 80 тыс. руб., либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, либо лишение свободы на срок до 4 лет.

Из приведенных в таблице сведений можно сделать вывод о том, что административные наказания не выглядят достаточными для достижения целей административной ответственности. Совпадающими мерами наказания по отдельным видам противоправных деяний являются штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что равнозначно административному наказанию дисквалификации. Размеры штрафов за административные наказания и преступления имеют существенные перепады, что значительно снижает уровень административной ответственности и ее эффективность. Отдельные виды административных правонарушений имеют только основное наказание в виде штрафа. При этом вызывает сомнение эффективность административного наказания за ограничение конкуренции должностными лицами органов власти и местного самоуправления в отсутствие такого наказания, как дисквалификация должностного лица. Таким образом, административные санкции явно нуждаются в их пересмотре.

В то же время вызывают вопросы и некоторые уголовные наказания в их соотношении с административными. Так, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания за картель назначается на срок меньше, чем дисквалификация за административный картель.

КоАП содержит также основание административной ответственности за невыполнение в установленный срок законного решения, предписания федерального антимонопольного органа, его территориального органа о прекращении нарушений антимонопольного

законодательства, в частности ограничивающих конкуренцию соглашений (ч. 2.1 ст. 19.5), недобросовестной конкуренции (ч. 2.5 ст. 19.5). Предусмотрена административная ответственность и за такое противодействие антимонопольному органу, как непредставление ходатайств, уведомлений (заявлений), сведений (информации) в федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы, которые должны предоставляться в соответствии с антимонопольным законодательством, представление заведомо недостоверных сведений (ч. 3–8 ст. 19.8). Ответственность за эти нарушения не является преемственной в УК РФ, несмотря на международные рекомендации (Типовой закон о конкуренции ООН) устанавливать уголовную ответственность за подобные противодействия антимонопольному органу и предусматривать для физических лиц, виновных в таких нарушениях, санкции в виде лишения свободы. Проблема ответственности за эти виды нарушений рассматривалась в науке давно [Денисова А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. С. 142-147], однако ситуация остается прежней.

Осуществляется межотраслевая дифференциация ответственности и при решении вопроса о применении программы освобождения от ответственности за картель, условия которого предусмотрены как в УК РФ, так и в КоАП, образуя в целом программу смягчения ответственности за картель, призванную способствовать повышению эффективности выявления картелей и их расследования. Согласно примечанию к ст. 14.32 КоАП, освобождению подлежит как физическое, так и юридическое лицо, первым выполнившее ряд условий, в частности:

- на момент обращения лица с заявлением антимонопольный орган не располагал соответствующими сведениями и документами о совершенном административном правонарушении;
- лицо отказалось от участия или дальнейшего участия в соглашении либо от осуществления или дальнейшего осуществления согласованных действий;
- представленные сведения и документы являются достаточными для установления события административного правонарушения.

Помимо этого, только в отношении юридических лиц применяются специальные правила смягчения и ужесточения наказания, назначения минимального размера «оборотного» штрафа за антиконкурентные соглашения. Примечание не применяется в отношении юридического лица, если лицо, совершившее административное правонарушение, являлось организатором недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством соглашения, допустило принуждение иных лиц к совершению административного правонарушения либо к продолжению участия в ограничивающих конкуренцию соглашениях, использовало в целях исполнения ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля или сговора на торгах) программу для ЭВМ, позволяющую осуществлять принятие решений (совершение действий), направленных на исполнение такого соглашения, в автоматическом режиме (без участия человека).

Примечание к ст. 178 УК РФ предусматривает несколько иные основания освобождения от уголовной ответственности за картель, отражающие особенности уголовной ответственности: 1) лицо первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении; 2) активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию; 3) возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред; 4) в его действиях не содержится иной состав преступления.

Таким образом, межотраслевая дифференциация освобождения от ответственности осуществляется, во-первых, по субъекту ответственности, во-вторых, по аспектам взаимодействия с органами государства, в-третьих, по наличию в действиях лица иного противоправного поведения (для освобождения от административной ответственности требуется не продолжать монополистическую деятельность), в-четвертых, возмещению вредных последствий, которое необходимо только для уголовной ответственности.

Важно, что обеими программами при привлечении и к административной, и к уголовной ответственности могут воспользоваться физические лица. В этой связи в применении правил освобождения от ответственности за картель в административном и уголовном праве имеется ряд взаимосвязанных проблем. Так, сложности применения института освобождения от уголовной ответственности за картель вызывает отсутствие юридической связи между административно-правовым и уголовно-правовым институтами, в результате чего: 1) физическое (должностное) лицо, освобожденное от административной ответственности по ст. 14.32 КоАП, может быть привлечено к уголовной ответственности за те же действия; 2) полученные при проведении административного производства доказательства соглашения не могут быть применимы в уголовном деле [\[8, с. 32\]](#). Освобождение от уголовной ответственности физического лица при этом не означает автоматическое освобождение от административной ответственности юридических лиц-участников картеля по ст. 14.32 КоАП и наоборот, так как набор уголовно-правовых и административно-правовых условий освобождения существенно различается.

Что касается первых двух случаев, то данная проблема, как представляется, должна быть решена в рамках изменения государственного подхода к взаимодействию антимонопольного и правоохранительных органов. Только закрепленные законодательно основы такого взаимодействия, в частности, взаимное оперативное извещение органов власти о выявлении картеля могут устранить такие ситуации. В третьем случае следует разграничивать ответственность юридических лиц и ответственность физических лиц: если признаки правонарушения установлены, то виновное лицо должно привлекаться к ответственности даже при наличии оснований освобождения от нее иных субъектов этого же правонарушения.

В практике правоохранительных органов нет случаев применения примечания к ст. 178 УК РФ в противоположность опыту антимонопольного органа, в деятельности которого такая программа применяется. Так, антимонопольным органом правила освобождения от административной ответственности были применены в 2015 г. – 46 раз, в 2016 г. – 91, в 2017 г. – 118, в 2018 г. – 89, в 2019 г. – 67, в 2020 г. – 146 раз [Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2007–2020 гг.) // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 11.03.2024)].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. При сопоставлении положений КоАП с соответствующими положениями УК РФ установлен факт того, что прямой преемственности в УК РФ нет в отношении большинства составов административных правонарушений против добросовестной конкуренции.
2. Анализ санкций за антиконкурентные правонарушения приводит к выводу о необходимости усиления административных наказаний и совершенствовании уголовно-правовых мер наказания.

3. Существующие правила освобождения от административной ответственности являются более гибкими, что позволяет эффективно их применять. В то же время наличие некоторых пересекающихся аспектов в реализации правил освобождения от административной и уголовной ответственности ставят вопросы о необходимости их изменения.

4. Необходимо приведение в непротиворечивое состояние, а также в соответствие друг с другом и КоАП, и УК РФ.

Для достижения целей Стратегии национальной безопасности и Стратегии экономической безопасности весьма важно устранить существующие противоречия в межотраслевой дифференциации ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. Проведенное исследование и его выводы могут быть полезными при совершенствовании законодательства о мерах противодействия им и, в целом, всех направлений государственной деятельности в сфере защиты добросовестной конкуренции.

Библиография

1. Даниловская А. В. Экономическое обоснование уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Lex Russica. 2021. № С. 93-107.
2. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. М.: Юрлитинформ, 2020.
3. Кругликов Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 8-13.
4. Башлаков-Николаев И. В. Ответственность органов власти и их должностных лиц в сфере защиты конкуренции: монография. М.: Статут, 2014.
5. Кругликов Л. Л. Межотраслевая дифференциация ответственности за экономические преступления и некоторые вопросы законодательной техники // Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции «Межотраслевая дифференциация ответственности за правонарушения в сфере экономики» / Отв. за выпуск Л. Л. Кругликов; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 7-20.
6. Расторопова Д. С. Непосредственный объект неправомерного использования инсайдерской информации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 144.
7. Адиньяев С. И. К вопросу об объекте неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 23-25.
8. Алешин К. Н., Максимов С. В. Добровольное сообщение о заключении картеля: назревшие реформы. Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 4. С. 24-33.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, межотраслевая дифференциация ответственности за

совершение деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им достаточно подробно: "только Стратегией развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 г. № 6, отмечается необходимость противодействия также и недобросовестной конкуренции, общественная опасность которой в отечественном законодательстве явно недооценивается, несмотря на исследования разного уровня, подтверждающие относительно равные риски и неблагоприятные последствия для экономики как от деятельности картеля, так и от недобросовестной конкуренции [1, с. 97-103]. На данный факт указывает и анализ уголовного закона. Так, если уголовная ответственность за картель имеет четкие основания, предусмотренные ст. 178 УК РФ, то для общественно опасных форм недобросовестной конкуренции таковых в УК РФ не предусмотрено, что не позволяет вести их официальный учет, хотя признаки отдельных проявлений недобросовестной конкуренции усматриваются при анализе объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 1281, 146, 147, 180, 183, 1853 и 1856 УК РФ" и др.; "Таким образом, принятие отмеченных официальных документов стратегического характера свидетельствует о недостаточности существующих правовых механизмов для устранения угроз экономике страны и, в частности, одному из ее основополагающих элементов - добросовестной конкуренции, обеспечивающей общественное благосостояние и стабильность в обществе. Предусмотренные УК РФ основания уголовной ответственности за различные антиконкурентные деяния, имеющие как прямой, так и косвенный характер, характеризуются различными несовершенствами, основанными в первую очередь на отсутствии связи с запретами, установленными специальным нормативным правовым актом - ФЗ «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ. Соответственно, необходимо пересмотреть существующий уголовно-правовой подход к защите добросовестной конкуренции и привести его в соответствие с требованиями современной государственной политики по обеспечению национальной (экономической) безопасности"; "Между тем борьба с антиконкурентными деяниями имеет межотраслевой характер - за их совершение предусмотрена гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. В свете принятия перечисленных выше стратегических документов, ориентир на исследование практики применения межотраслевых правил в борьбе с картелями, иными ограничивающими конкуренцию соглашениями, недобросовестной конкуренцией, а также антиконкурентным поведением органов государственной власти и местного самоуправления, их результативности, не вызывает сомнений. Однако в науке этому аспекту пока не уделяется достаточно внимания, в основе которого лежала бы концепция или методика исследования, охватывающая все задействованные отрасли законодательства. В то же время исследование вопросов межотраслевой дифференциации ответственности в данной сфере имеет значение для перспективного развития законодательства и правоприменения, что в целом может положительно сказаться на эффективности не только уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции, но и на применении административно-правовых мер такой охраны, а также конкурентной политики как экономического направления государственной деятельности".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений ученого: "... гражданско-правовая ответственность за антиконкурентные деяния не может всегда включаться в межотраслевую дифференциацию ответственности из-за отсутствия ее преемственности, когда данный вид ответственности существует одновременно с административной или

уголовной. Этот вывод не распространяется на случаи, при которых отсутствие признаков административного правонарушения или преступления может повлечь только гражданско-правовую ответственность. В некоторой степени данное суждение имеет отношение и к административной, и к уголовной ответственности. В частности, преемственность уголовной ответственности исключена, если субъектом ответственности может быть только юридическое лицо"; "Таким образом, четкость межотраслевой дифференциации – это совпадение административного правонарушения и преступления по отдельным признакам их составов. Из анализа межотраслевой дифференциации за антиконкурентные деяния следует, что имеют место и смежные, и идентичные составы. Так, составы деяний могут иметь одинаковый объект посягательства, но различаться в основных признаках объективной стороны – способах его совершения, последствиях. Также противоправные деяния могут посягать на равнозначные, но разные объекты, например объекты авторского права и объекты патентного права, при этом признаки их объективной стороны совпадают в основном. Преемственность в той или иной степени можно обнаружить в большинстве случаев ответственности за антиконкурентные деяния"; "... преемственность дифференциации ответственности за незаконное использование средств индивидуализации сохранена, однако КоАП содержит детализацию способов незаконного использования, устанавливая отдельно административную ответственность за производство в целях сбыта либо реализацию товара, содержащего незаконное воспроизведение чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров. Существует преемственность и в отношении клеветы" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор на основании анализа обширного нормативного и теоретического материала исследует межотраслевую дифференциацию ответственности за совершение деяний, посягающих на добросовестную конкуренцию, выявляет специфику и проблемы таковой, предлагает пути их решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 8 источниками (монографиями и научными статьями), не считая нормативного материала. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (И. В. Башлаков-Николаев, В.Ф. Лапшин и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами и таблицей.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. При сопоставлении положений КоАП с соответствующими положениями УК РФ установлен факт того, что прямой преемственности в УК РФ нет в отношении большинства составов административных правонарушений против добросовестной конкуренции. 2. Анализ санкций за антиконкурентные правонарушения приводит к выводу о необходимости усиления административных наказаний и совершенствовании уголовно-правовых мер

наказания. 3. Существующие правила освобождения от административной ответственности являются более гибкими, что позволяет эффективно их применять. В то же время наличие некоторых пересекающихся аспектов в реализации правил освобождения от административной и уголовной ответственности ставят вопросы о необходимости их изменения. 4. Необходимо приведение в непротиворечивое состояние, а также в соответствие друг с другом и КоАП, и УК РФ. Для достижения целей Стратегии национальной безопасности и Стратегии экономической безопасности весьма важно устранить существующие противоречия в межотраслевой дифференциации ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. Проведенное исследование и его выводы могут быть полезными при совершенствовании законодательства о мерах противодействия им и, в целом, всех направлений государственной деятельности в сфере защиты добросовестной конкуренции"), они четкие, структурированные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конкурентного права, административного права, уголовного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования.